

Дружба, соавторство и учебный перевод

Я уже не помню, когда конкретно началось наше содружество и наша совместная работа над пособиями по переводу тогда еще на единой кафедре Английской филологии? Нелли Павловна как только появилась на кафедре, сразу же стала вести занятия по учебному переводу. Думаю, что ее пригласили на кафедру те, кто ее знал, именно для этого. Она всегда отличалась удивительной работоспособностью, хорошим знанием английского языка, желанием работать, научить студентов и любовью к ним и к своей работе. Была хорошим методистом и неутомимо, постоянно искала новые материалы и методы ведения занятий и подачи материала. Её маленькая квартира была заполнена разного рода учебными материалами, английскими книгами и газетами. Кроме того она постоянно занималась переводами разной тематики с английского и русского языков. Возможно, немногие знают, что Нелли Павловна постоянно кого-нибудь опекала, кому-то помогала, и это кроме активного участия в работе международного клуба, где она вела переписку с заграничными клубами, принимала приезжающих иностранных сестер. Так и я оказалась среди ее многочисленных *lame ducks*.

У нас обеих был опыт перевода специальных технических текстов. И насколько я знаю, Нелли Павловна считалась хорошим переводчиком с русского на английский. Я вела занятия по переводу и грамматике. Возможно, это нас и сблизило. Хочется отметить, что на нашей кафедре тогда, и всегда, между преподавателями царил дух доброжелательности и взаимопомощи, в том числе и между теми, кто вел занятия по учебному переводу. Никто не стеснялся спрашивать и попросить помощи у более опытных преподавателей, да и те не стеснялись спросить и обсудить с нами что-то вызывающее сомнения или затруднения. Кроме того на кафедре уже была создана хорошая методическая база поаспектного преподавания языка, которую мы неизбежно использовали. Считаю, что методические принципы, выработанные на кафедре, так или иначе, нашли отражение в общей структуре наших пособий, в выборе материала для перевода, поурочной подаче грамматических и лексических упражнений. Все это делает пособия удобным средством обучения студентов переводу определенного соответствующего уровня обучения.

Так случилось, что у Нелли Павловны и у меня возникло чувство, остававшееся, правда, долгое время в латентном состоянии, необходимости оформить накопленный материал в виде учебного пособия. Сначала для 3-его курса, затем и для 4-ого курса тогда еще по 5-летнему плану обучения. Почему-то мы с ней обе думали или считали, или чувствовали, что в одиночку мы не сделаем желаемого пособия: предстояла слишком большая работа при достаточно большой учебной нагрузке в то время. И мы объединили наши усилия. В результате вышли в свет два пособия *ADVANCED ENGLISH FOR TRANSLATION*, часть 1 для 3-его и *ADVANCED ENGLISH FOR TRANSLATION*, часть 2 для 4-ого курса по пятилетнему плану обучения. Приятно, отметить, что Пособия уже выдержали по 3 издания. В 2010г. Нелли Павловна выпустила свое пособие *ADVANCED ENGLISH FOR TRANSLATION Part 3*. Должна признаться, что основную тяжесть подготовки

пособий и всю тяжесть по изданию Нелли Павловна приняла на себя. Нелли Павловна много занималась разными видами перевода.

Теперь несколько слов об учебном переводе. Пособия включают два типа текстов: тексты для письменного домашнего перевода и тексты для перевода с листа в аудитории. Учитывая то, что в обоих случаях читающий имеет дело с линейной последовательностью предложений, мы считали необходимым удостовериться в том, что при чтении студент правильно видит синтаксическую структуру предложений. Мы исходили из того, что студент с небольшим запасом слов и неумением понять их связь, не может правильно увидеть синтаксическую структуру предложения в целом и понять его смысл. Обращение к словарю в данном случае мало помогает. Рано или поздно, в зависимости от подготовки, студент приобретает или совершенствует навыки видеть или даже «чувствовать» структуру предложения, нужную связь слов, формальную и семантическую или смысловую. Одновременно с этим закрепляются знания и навыки перевода соответствующих грамматически сложных структур. Это отличает методику обучения «учебному» переводу. Естественно, при этом не остается без внимания лексический материал, особенно необычные слова, сочетания слов, фразеологические единицы. Для обучения английскому языку такой подход кажется наиболее эффективным, учитывая некоторые особенности английского словаря и грамматики. Известно, что в английском языке широко распространена грамматическая конверсионная омонимия лексических единиц, а также грамматических словоформ причастий и герундия, неоднозначность предлогов и некоторых союзов. Хорошо известен случай шестиклассной конверсионной омонимии. Так, слово *ground* может быть отнесено к шести частям речи: существительным, глаголам, прилагательным, наречиям, предлогам и послелогам. Подобные случаи всегда вызывали живой интерес у студентов, возможно, и в целом к грамматике. Незнание данной специфики языка затрудняет, возможно, и поиск слов в словарях, в которых статьи дают информацию о частеречной принадлежности слова.

Иногда в поле нашего внимания попадали самые, казалось бы, обычные хорошо знакомые слова, сочетания, которые, однако, не имели однозначных эквивалентов в русском языке, например, глагол *to say*. Те, кто работал с пособиями, насколько я знаю, обратили на это внимание. Естественно, были и замечания критического характера. Так критики отметили трудные тексты и, соответственно, некоторые упражнения в начале пособий. Здесь мы следовали нашему внутреннему убеждению, что легкое начало неправильно ориентирует студентов в работе над переводом. С самого начала студент должен убедиться на своем опыте, что перевод с одного языка на другой—не легкий труд. Мы считали этот факт особенно важным при работе с английским языком, учитывая специфику синтаксической структуры. Существует широко распространенное мнение, что грамматическая структура английского языка очень простая. В ней нет падежных окончаний у существительных, нет спряжения глагола и при этом простой порядок слов. Но когда студенты, или другие изучающие английский язык, сталкиваются с задачей перевода, оказывается, что все очень не просто. Английский язык под внешней простой формой скрывает сложную и достаточно специфическую структуру или организацию синтактико-семантических отношений и связей понятий. Так для

английского языка характерна свобода словообразования (отмеченная выше конверсионная грамматическая омонимия). Он позволяет легко образовывать глаголы от существительных и наоборот, чем пользуются широко все желающие в какой-то степени знающие английский язык. Эта легкость исчезает, когда сталкиваешься с необходимостью перевода какого-либо текста.

Были у каждой из нас свои любимые темы. У Нелли Павловны, я думаю, их было значительно больше, и она настаивала на их включении в пособия. Так, ей очень нравились конструкции с глаголом *to fail*, которые представляют трудность для перевода из-за того, что в них два семантических, или логических, отрицания при одном грамматическом: *He never failed to come*. Первое впечатление у студентов, часто, было, что он «никогда не приходил». У меня любимой была конструкция с каузативным *to make*, которая допускала не менее 20 вариантов русских грамматических конструкций перевода. Хочу сказать, что мы работали над пособиями с большим интересом, желанием и даже удовольствием, если не сказать с любовью. Были у нас и острые споры, но они всегда заканчивались согласием и не мешали нашей дружбе. Я многому у нее научилась, и я буду всегда благодарна ей и за совместную работу, которая принесла немало приятных часов, за внимание и доверие, с которыми она относилась к моим теоретическим поискам и, конечно, за постоянную помощь в моих жизненных ситуациях.

О.В.Емельянова

Life is about People (к вопросу о формировании ценностной картины мира)

Life is about people... Эти слова, зафиксированные в Британском Национальном Корпусе, очень точно отражают наши представления о самом важном в жизни любого человека, о том, что составляет самый ее смысл и главную ценность – о людях. наших родных и близких, детей и родителях, друзьях и коллегах – всех тех, с кем сводит нас судьба, даря самую большую роскошь – роскошь человеческого общения.

Я хорошо помню свою первую встречу с Нелли Павловной Федоровой. Наша группа студентов четвертого курса собралась на первое в новом учебном году занятие по переводу. Ровно в девять часов дверь распахнулась и в аудиторию легкой стремительной походкой вошла изысканно-стройная молодая женщина – наш новый преподаватель. Девочки – юные красотки – слегка насторожились, мальчики невольно подтянулись и даже как-то приосанились. На нашей родной кафедре английской филологии и в те времена было немало красивых и элегантных дам, но эту женщину мы видели впервые. В ее изящной фигуре, простой, но невероятно идущей ей прическе, неброской, но стильной одежде было что-то нездешнее, что-то аристократическое. Может быть, иностранка? Тут она заговорила по-английски, и как заговорила! Чистейшее произношение (а мы, проводившие массу времени в лингафонной лаборатории, слушая записи носителей языка, сразу оценили это!),

своеобразный и очень приятный тембр голоса, живая и какая-то очень английская речь... и ни одного слова по-русски... Ну, точно, иностранка, скорее всего, настоящая англичанка! Конечно, мы очень скоро узнали, что нашу «иностранку» зовут Нелли Павловна Федорова, но, испытав легкое удивление, мы нисколько не были разочарованы. Напротив, мы гордились нашей преподавательницей, втайне надеясь, что, может быть, когда нибудь и мы так сможем! Для кого-то из нас это осталось недостижимым идеалом, кто-то всю жизнь старается хотя бы приблизиться к невероятно высокому уровню, заданному когда-то этим удивительным человеком, прекрасной женщиной, профессионалом высочайшей квалификации.

Life is about people... В каждом языке есть немало выразительных средств формирования ценностной картины мира, и упомянутая структура, по нашему мнению, относится к их числу в английском языке.

Понятию ценностной картины мира, описание которой подготовлено серьезными исследованиями логической и лингвистической сторон оценки, посвящен целый ряд специальных работ. Многие из них основаны на сформулированных в разные годы В.И.Карасиком положениях, согласно которым в ценностной картине мира находят свое отражение наиболее значимые для данной культуры смыслы и культурные доминанты, совокупность которых детерминирует мировосприятие народа, его менталитет. Ценностная картина мира, объективно выделяемая в языковой картине мира, является фрагментом более общей системы представлений говорящих о мире. Она содержит совокупность моральных ценностей, этических норм и поведенческих правил и реконструируется в языке в виде взаимосвязанных оценочных суждений, соотносимых с юридическими и моральными кодексами, общепринятыми суждениями здравого смысла, типичными фольклорными и известными литературными сюжетами. Именно ценностям как наиболее фундаментальным характеристикам культуры и высшим ориентирам поведения В.И.Карасик отводит особое место в структуре языковой личности. Эти ориентиры возникают не только на основе знания и информации, но и собственного жизненного опыта человека, они представляют собой лично окрашенное отношение к миру (Карасик 2002:167).

На понятии ценности стоит остановиться подробнее. По материалам Википедии, ценность – это важность, значимость, польза, полезность чего-либо. Внешне ценность выступает как свойство предмета или явления, однако значимость и полезность присущи им не от природы, не просто в силу внутренней структуры объекта самого по себе, а являются субъективными оценками конкретных свойств, которые вовлечены в сферу общественного бытия человека, в них заинтересованного или испытывающего потребность. Ценность в философии понимается как указание на личностную, социально-культурную значимость определенных объектов и явлений, в психологии система ценностей подразумевает то, что индивидуум ценит в окружающем его социуме, и тесно связана с понятием мотивации. Традиционно выделяют ценности материальные и духовные, известно понятие «вечные ценности». Ценности лежат в основе оценки, тех предпочтений, которые делает человек, характеризуя предметы, качества, события. В.И.Карасик считает оправданным разделение ценностей на внешние (социально обусловленные) и внутренние (персонально обусловленные), отмечая при этом отсутствие четко

очерченной границы между ними. Различаются, далее, ценности индивидуальные (персональные, авторские), микрогрупповые (например, в семье, между близкими друзьями), макрогрупповые (социальные, ролевые, статусные и др.), этнические и общечеловеческие. С лингвистической точки зрения, подчеркивает автор, наибольший интерес представляют те ценности, которые зафиксированы в языке – прежде всего, в его лексике и фразеологии (а также, добавим, в определенных грамматических структурах, напр., *Life is about people*). Ценным для человека является то, что играет существенную роль в его жизни и поэтому получает многостороннее обозначение в языке. «Семантическая плотность той или иной тематической группы слов, детализация наименования, выделение смысловых оттенков являются сигналом лингвистической ценности внеязыкового объекта, будь то предмет, процесс или понятие» (Карасик 2002:168-169).

Простейшим примером выраженности ценностей являются такие их названия как *добро, правда, справедливость, свобода, красота* в русском языке (и их английские соответствия). Подобные номинации, а также *любовь, дружба, семья, счастье, здоровье, мир, деньги, работа, карьера, успех* и др. Н.С.Федосюткина предлагает называть «слова-ценности», поясняя, что данное выражение широко используется в психологии и социологии (правда, в несколько ином значении), и рассматривать их как средства доступа к ценностной картине мира. При таком подходе ценностная картина мира оказывается совокупностью взаимодействующих базовых признаков, «узлов», выход на которые осуществляется через слова-ценности (Федосюткина 2005:8).

В английском языке подобный «доступ» и «выход» реализуется, в частности, через модели типа *Life is about people*, содержащие «слова-ценности» и отражающие представления о важности (значимости, значительности) предметов и явлений реальной действительности для общества и индивида. В последние годы наблюдается явное увеличение частотности упомянутой структуры. Об этом свидетельствуют как данные Британского национального корпуса (BNC), так и тексты современных англоязычных художественных произведений. Прежде чем обратиться к анализу собранного материала, приведем следующую словарную дефиницию: *be about something* – used for saying what the most basic or important aspect of a particular job, activity or relationship is (Macmillan, 3). Данное определение безусловно позволяет отнести это выражение к «словесным моделям ценности, создаваемым носителями языка (Виноградов 2007).

Примеры из BNC дают хорошее представление о характере ценностей, зафиксированных в рассматриваемой модели. Прежде всего это так называемые витальные ценности, к числу которых принадлежат представления о жизни, здоровье, личной безопасности, благосостоянии, семье и т.д., отражающие в первую очередь этнокультурное бытийное оценочное отношение. Наибольшее количество примеров приходится на существительное *life*; это и предложение, часть которого вынесена в название настоящей статьи: *He turned round and said it was not about your race, or religion, it's about people – life is about people* (CH3 6205). Психологи подчеркивают, что люди индивидуальны, у каждого свой взгляд на жизнь, но есть основополагающие вещи, которые значимы практически для всех. Среди них – убеждение, что самое важное в нашей жизни это отношения с другими людьми. Все

жизненные комбинации выстраиваются в первую очередь для главного – для построения отношений, а через них – для развития человека. Некоторые высказываются весьма категорично: опыт отношений это основное богатство, ради этого, собственно, люди и живут на Земле (Некрасов).

Система ценностей, как и все в жизни, зависит от состояния сознания человека. В разных ситуациях мысли о жизни наполняются разным содержанием и каждый по-своему отвечает на вопрос *What life is about*. Для кого-то *Life is about feeling* (C8T827), для кого-то *Life is about learning to cope with old age* (B01419); для одних *Life is about balancing freedoms* (ABU320), для других *Much modern life is about structured dependency* (CFE340).

В высказываниях об образовании, относящемся к числу социальных ценностей, говорится как о его содержании: *It is pertinent to observe that education is about emotional response to real situations – not about facts* (CLY1079), так и о его целях: *This may be because we have lost sight of what education is about, or, at best, because we disagree on aims and objectives of education* (FPJ848). Некоторые примеры носят довольно развернутый характер, другие – кратки и почти афористичны, ср. предыдущий пример и *Education is about ends, not merely means* (CN5 148). Данная формула позволяет также подвести итог сказанному: *This is what true education is about* (FEU 1011).

Понятие «работа» также входит в категорию социальных ценностей, которые выделяются на основании социологических признаков и выражают межгрупповые и межличностные оценочные отношения. В рамках рассматриваемой модели авторы высказывания раскрывают свое представление о сути определенной деятельности: *Detective work is about a lot of things, mostly it's about not giving up* (HUA 896), ср. также *Yet of her work is about fashion, style, ideas of beauty* (CGC 624).

Очень многогранное определение получает в примерах из BNC такая социальная ценность как брак: ... *Some people do think that marriage is about bringing up a family and looking after the house* (BLW 1987), ср. также *Marriage is about respect, commitment and graft, not just the 'buzz' of romantic and sexual excitement* (CCE 1661), *Marriage is about respect, admiration, stimulation and commitment* (ED3 1094). Некоторые из зафиксированных в BNC высказываний о политических ценностях – готовые афоризмы: *Politics is about power* (CM5 1360); *Politics is about priorities* (CLP 264); другие, более развернутые, уточняют наиболее важные для говорящего аспекты данного понятия: *Politics is about communicating with and winning a person, not winning an argument or battering home a policy line* (ADK 1612).

Закрепленное в формуле общепринятое понимание такой политической ценности как демократия используется для выражения несогласия с реальным положением дел в этой сфере: *If democracy is about government by the people then it cannot be about giving a bunch of politicians a blank cheque to govern us every five years* (BO3 1086). Та же формула позволяет расставить акценты и внести ясность и в отношении ценностей религиозных: *Biblical religion is not about Mary, who is wholly peripheral, but about Christ* (EFO 1215) и представить как «правильное», так и «неправильное», с точки зрения автора высказывания, представление о сущности религии: *It is, however, because religion is about the archaic heritage of humanity, and involves relations with parent figures, particularly the father, that one would expect*

emotional reactions to the subject; either religion is the most important part of life, and immune to scientific investigation for that reason, or it is too trivial to be worth a working scientist's time (ECY 1272), ср. также Themes like "rites of passage" or "festivals" can so attract attention to sociological aspects of religion, that the impression is given to pupils that religion is about how people organize themselves and give meaning to their lives – that the essence of religion is manufactured by societies and by people (HYB 721).

Моральные ценности, в частности, дружба, также находят свое отражение в исследуемых структурах: Friendship is about caring for the other person, respecting the other people, sharing your interests with the other people, enjoying just being with the other person – but not about suffocating the other person with big slobbering kisses! (C8N 830).

Наконец, нельзя не привести высказывание о надежде, отличающееся почти философской глубиной и определенной поэтичностью: Hope is about the unknown and prospects, about balancing our needs and for security with the dangers of freedom (CEF 187).

Судя по приведенным примерам из BNC, рассматриваемая «словесная модель ценности, создаваемая носителем языка (Виноградов 2007), – весьма распространенный способ обозначить проблему, поставить вопрос типа What is life about? What is religion about? и т.д. Это своего рода риторический прием, позволяющий привлечь внимание адресата к тому, что кажется говорящему главным, определяющим суть важных, сложных и многоаспектных понятий, формирующих ценностную картину мира.

Что же касается употребления данной модели в художественной литературе, то там картина несколько иная. Примеры, по своей структуре аналогичные приведенным ранее, встречаются довольно редко. Интересно, что таким образом раскрывается суть как глобальных (витальных) ценностей в конфликтных, порой драматических ситуациях: 'Look, Dad, if I could –' 'Yes, that's it, isn't it? I, I, me, me. Well let's get something straight. Life is not all about you. What do you think and what does not concern me. What you do does. Are we clear on that?' (George, 248), так и понятий, которые лишь с известной долей условности можно отнести к ценностям: 'Samantha, you're not going to be taking notes', she says. 'Cooking isn't about writing down. It's about tasting. Feeling. Touching. Smelling.' 'Right', I nod intelligently. I must remember that. I quickly uncap my pen and scribble down. 'Cooking = all about tasting, smelling, feeling etc.' (Kinsella, 236). Для персонажа юмористической повести, дающей первый урок совершенно несведущей в этом героини умение готовить – очень важная составляющая жизни женщины, и избранный способ выражения своей позиции представляется весьма уместным.

В исследованном материале отмечено абсолютное преобладание примеров типа 'I can't believe he tried to kill the horses. What's that about?' 'It's about hurting us, I think,' Betsy said sensibly (McDermid, 402), в которых место абстрактного существительного, номинирующего ту или иную ценность, занимает указательное (this/that) или личное (it) местоимение. Показательно, что герои используют эту модель в серьезных, а иногда и критических ситуациях, пытаясь объяснить себе или другим суть происходящего: Anita Gaye would pay for it, he promised himself. It was no longer about money, about principle, it was about justice (Roberts, 158) и

побудительные мотивы своих поступков, показать, что движет человеком, когда он принимает важные решения: Then I remembered what I had told Claire when my fears of Negli's were the strongest. Nailing this guy was the one clear thing that gave me the strength to go on. It wasn't just about right or wrong. It wasn't about guilt or innocence. It was about what I was good at and what I loved to do (Patterson, 453).

Как видно из примеров, данная разновидность модели также принимает участие в формировании ценностной картины мира. Она отражает представления людей о материальных и духовных ценностях (money, principle, justice, right, wrong, guilt, innocence) – тех фундаментальных характеристиках культуры и ориентирах поведения (Карасик 2002), которые складываются на основе знаний, информации и собственного опыта человека и представляют лично окрашенное отношение к миру.

Литература

Карасик В.И. Культурные доминанты в языке / Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002. С. 166-205.

Некрасов А. Н. Система ценностей. Деловой журнал. bkworld.ru>archive/y2008/n02

Виноградов В.Н. http://www.nnre.ru/rulturologija/linguoculturologija_cennstno_smyslovoe_prostrans...

Федосюткина Н.С. Слова-ценности как средства доступа к ценностной картине мира: Экспериментальное исследование. Автореф. канд. дис. Курск, 2005.

Сокращения:

George - George E. Careless in Red. Hodder, 2009.

Kinsella - Kinsella S. The Undomestic Goddess. Black Swan, 2006.

McDermid - McDermid V. The Retribution. Sphere, 2012.

Patterson - Patterson J. First to Die. Warner Books, 2002.

Roberts - Roberts N. Three Fates. Harper, 2003.

Мальцева Н.Б

Бойтесь старых яблонь или текстообразующая функция угрозы

Угроза есть угроза. И ничего с этим не поделаешь. Она влечет за собой чувство опасности, чувство страха. Она действует на наше психическое, моральное и, как следствие, физическое состояние как сильный деструктивный элемент. Неля Павловна жила под угрозой серьезнейшего заболевания многие годы. Постоянные проверки, курсы терапии и при этом интереснейшие творческие планы, потрясающая работоспособность, готовность помочь советом и радость от того, что она действительно может дать полезную консультацию, поделиться своими энциклопедическими знаниями. Всегда элегантная и сдержанная, всегда любезная и сильная духом – настоящая леди. Она сражалась с угрозой до конца. Я разговаривала с ней за несколько часов до смерти, и в ее уже совсем слабом, еле слышном голосе слышала стремление все претерпеть до конца и выжить. Порой мне кажется, что Неля Павловна научилась не бояться угрозы.

Угроза является одним из ключевых факторов, определяющих наше поведение и нашу жизнь. Правда, помимо сильнейшего деструктивного элемента угроза несет в себе и некоторое конструктивное начало. Перед лицом угрозы мы сплываем ряды. Перед лицом угрозы мы концентрируем все свои силы. Перед лицом угрозы мы совершаем поступки, которые в простой жизни казались нам невозможными. Угроза как концепт играет определенную конструктивную роль и в художественных произведениях: она обеспечивает интересную интригу, психологический накал повествования, необычный ракурс раскрытия характеров героев. Эта статья посвящена текстообразующей функции угрозы.

Говоря о ныне непопулярном, но наш взгляд, важном для лингвистики понятии текст, хочется прежде всего отметить, что это слово восходит к латинскому "textum", что означает «ткань, связь». Таким образом, в самом слове «текст» зафиксирована семантика связности и упорядоченности. Эти два критерия совместно со смысловой и коммуникативной завершенностью мы и будем считать основными и конституирующими понятие текст.

Теперь обратимся к угрозе и представим концепт threat как комплексную, целостную функциональную мыслительную структуру, которая совмещает чувственные и рациональные, динамические и статические аспекты репрезентируемого явления (концепт-гештальт). Рассмотрим, посредством вербализации каких из компонентов этого концепта актуализируются основные текстообразующие факторы произведения – развитие интриги, раскрытие эмоционального мира персонажей, создание атмосферы текста. Для этого обратимся к рассказу Дафны дю Морье «Яблоня» (The Apple Tree).

Повествование в рассказе ведется от лица автора. Герой рассказа, имя которого нам неизвестно, недавно похоронил жену. Старая яблоня, растущая в его саду, напоминает вдовцу его покойную супругу. Автор начинает рассказ следующими словами:

It was three months after she died that he first noticed the apple tree. [...] The tree was scraggy and of depressing thinness, possessing none of the grand solidity of its companions. Its few branches, growing high up on the trunk like narrow shoulders on a tall body, spread themselves in a martyred resignation ... (114)

Подобное описание яблони, похожей на жалкую человеческую фигуру, с прилагательными scraggy и depressing и упоминание о смерти сразу вызывает у читателя ощущение тревоги, которое проецируется и на восприятие вдовца. Они дают толчок к мрачным ассоциациям покойной нелюбимой жены со старой яблоней и пробуждают грустные и тревожные аллюзии, которые в бытовом сознании всегда связаны со смертью. В то же время это отождествление яблони с усопшей с самого начала рассказа подготавливает почву для последующей реализации угрозы, исходящей от старой яблони. Если старая и уродливая яблоня отождествляется у героя и у читателя с покойной женой, то молодая яблоня, стоящая рядом, отождествляется в восприятии героя с его молодой любовницей. Вдовец хочет спилить старую яблоню, чтобы она не мешала ему смотреть на молодую (т.е. предпочитает любовницу жене). А старая яблоня всеми доступными ей средствами посылает ему различные сигналы, что дерево спиливать не следует, в противном

случае его могут ждать негативные последствия. Иными словами, яблоня становится источником угрозы для героя.

Автор включает в текст диалог вдовца со своим садовником:

'Funny thing, sir, isn't it, about the old apple tree?' The remark was so unexpected that it came as a shock. He felt himself change colour (123).

Одно упоминание о старой яблони вызывает у героя рассказа и, соответственно, у читателя чувство страха. Таким образом, можно полагать, что в данном случае старая яблоня становится вербализацией одного из главных эмоциональных аспектов угрозы – страха (компонент *fright*):

Then he caught his breath and stood quite still, his hand upon the curtain. The apple tree, the one on the left, was no longer in shadow. The moon shone upon the withered branches, and they looked like skeleton's arms risen in supplication. Frozen arms, stiff and numb with pain (125).

Вид яблони внушает герою еще больший страх, чем упоминание о ней, потому что он начинает сознавать потенциальную опасность, связанную с ней (компонент *danger*).

С другой стороны, источник угрозы не может предупредить адресата о возможности наступления негативных последствий вербально, поэтому посылает ему различные сигналы. Внушение вдовцу чувства страха и опасности позволяет яблони утвердить свое психологическое превосходство над ним и является важным условием коммуникативно удачной угрозы. Этим стилистическим приемом многократной вербализации чувств страха и опасности (т.е. актуализацией компонентов *fright* и *danger*) автор нагнетает атмосферу ужаса в тексте.

Далее по сюжету у старой яблони обламывается ветка, садовник распиливает ее на дрова и растапливает камин. Комнату наполняет ядовитый дым.

There was a queer, rather sickly smell about the living room (126).

Надо отметить, что сама ситуация, описываемая в рассказе, носит явно мистический характер. И хоть читателю с первых же строк понятно, что от старой яблони исходит какая-то угроза, угроза эта непонятна и неопределенна. Для передачи этой атмосферы необычности происходящего автор помимо прилагательного *queer* употребляет неопределенный артикль с существительным, называющим материю (*smell*), что передает значение некоей странности, особенности запаха и привносит значение неопределенности, которое также напрямую связано с чувством опасности, а через него со страхом и с угрозой (компонент *uncertainty*). Нагнетая атмосферу страха, автор еще несколько раз возвращается к описанию дров и дыма, но уже несколько в другом ракурсе:

The smoke that came from them was thin and poor. Greenish in colour. ... Now and again a thin wisp of greenish smoke puffed from the logs, and with it seemed to come that sickly smell, unlike any sort of wood smoke that he knew. ... He seized the poker, and in a fit of irritation thrust it between the logs, trying to stir them to flame, to change that green smoke into a normal blaze. The effort was useless. The logs would not burn. And all the while the trickle of sap ran on to the grate and the sweet smell filled the room, turning his stomach (126).

Здесь чувства настороженности и некой непонятной и неопределенной угрозы, исходящей от яблони, которые не покидали героя и читателей с первых

строк рассказа, сменяются чувствами совершенно конкретной опасности и страха. Герой боится задохнуться в конкретном едком дыме, исходящем от конкретных поленьев. Он борется с ним, но безрезультатно.

He was about to close the door firmly when he noticed the smell again. The sweet sickly smell of smoldering apple wood. ...Suddenly, for no reason, he was seized with a kind of fear, a feeling of panic almost. What if the smell filled the whole house through the night, came up from the kitchen quarters to the floor above and while he slept found its way into his bedroom, choking him, stifling him, so that he could not breathe? (127)

Таким образом, во фрагменте, посвященном дыму, угроза, исходящая от яблони, впервые утрачивает неопределенность и мистическую имплицативность. Здесь впервые появляются эксплицитно представленные три реальных компонента ситуации угрозы: 1. источник угрозы – едкий дым, исходящий от яблоневых поленьев; 2. объект угрозы – герой рассказа и 3. негативные последствия, к которым может привести источник угрозы - удушье. Все компоненты этой ситуации находят свое отражение в когнитивной ситуации, описанной в тексте: 1. перцептивное восприятие угрозы героем; 2. осознание ее последствий; 3. действия, направленные на ее ликвидацию. Схематично корреляцию когнитивной ситуации угрозы, представленной в этом фрагменте, с развитием его сюжетной линии можно представить следующим образом:

Несмотря на то, что в данном фрагменте компонент danger вербализуется в совершенно конкретную опасность удушья, автор не спешит расстаться с компонентом uncertainty, вводя выражение a kind of fear, которое вновь передает неопределенность и необычность испытываемых героем чувств.

Следует отметить, что к этому моменту повествования уже сами выражения apple tree, apple wood, apple logs воспринимаются читателем и героем рассказа как источник угрозы, и их каждое упоминание в тексте усиливает чувства опасности и страха.

But the logs, the apple logs had not burnt at all. They lay there as they had done when he threw them in, one charred limb above another, black and huddled, like the bones of someone darkened and dead by fire (131).

Как видно из этого фрагмента, игра со словом limb, первое значение которого «конечность человеческого тела», прямое сравнение поленьев с обгоревшим трупом – все это создает аллюзии с умершей женой и повышает степень угрозы, исходящей от яблони, опять уводя читателя в мистику и нагнетая атмосферу опасности.

Далее следует довольно продолжительный отрезок текста, в котором отсутствует вербализация компонентов “danger” и “fright”. Герой рассказа забывает об источнике угрозы и об опасностях, связанных с ним. Он спиливает старую яблоню и совершенно выбрасывает ее из головы. Автор заканчивает рассказ следующим фрагментом:

He walked softly over the snow towards the apple trees. Now the young one stood alone. ... She was almost within his reach when he stumbled and fell, his foot twisted underneath him, caught in some obstacle hidden by the snow. He tried to move his foot but it was jammed, and he knew suddenly by the sharpness of the pain biting his ankle, that what had trapped him was the jagged split of stump of the old apple tree he had felled that afternoon. ... ‘Let me go’ he shouted, ‘let me go’, as though the thing that held him there in its mercy had the power to release him ... Once more he struggled to release his foot, swearing and sobbing as he did so. It was no use. He could not move (158).

Интересно отметить, что в этот кульминационный момент трагической развязки Мердок прибегает к приему персонификации, называя молодую яблоню she и, одушевляя ее, бросает мистическую тень одушевления и на старый пенек, к которому в отчаянье взывает наш герой.

Как видно из приведенных фрагментов, развитие сюжетной линии рассказа определяется тем, что в отличие от читателей герой рассказа не смог до конца распознать реальную опасность, исходящую от источника угрозы, не смог понять смысл угроз и в своем чувстве к молодой яблоньке пренебрег ими. Схематично такое разворачивание текстообразующей функции угрозы можно представить следующим образом :

Как видно из проведенного анализа, развитие сюжета, связность изложения, его смысловая и коммуникативная завершенность обеспечивается в данном тексте актуализацией и вариативной сочетаемостью различных аспектов компонентов *danger*, *fright* и *uncertainty*, входящих в структуру концепта *threat*. Основными вербализованными аспектами этих компонентов являются эмоциональные - чувство опасности, чувство неопределенности угрозы, неопределенности опасности и их реализации, а также чувство страха; и рациональный - осознание источника и природы угрозы. На вербальном уровне текста это представлено словосочетаниями *apple tree*, *apple wood*, *apple logs*, которые имеют отчетливо выраженное окказиональное значение угрозы, употреблением и повтором прилагательных и существительных с негативными констативными (напр., *martyred resignation*, *depressing thinness*, *sickly smell*) и окказиональными (напр., *frozen arm-branches*, *sweet/queer/greenish smell*) коннотациями, авторского использования неопределенного артикля с существительными, обозначающими материю, оборотов *a kind of fear*, персонификацией яблонь, глаголами вербалиями, передающими злой умысел источника угрозы (напр., *trapped*, *choking*, *stiffling*) и страх героя рассказа (напр., *came as a shock*, *caught his breath*, *was seized with fear*).

ИСТОЧНИК ПРИМЕРОВ

Maurier D. du. *The Apple tree // The Birds & Other Stories*. London:Vigaro, 2004

Е.С. Петрова

О ДИДАКТИЧЕСКИХ ПРИНЦИПАХ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ПЕРЕВОДА

Отдавая дань памяти Нелли Павловне Федоровой, ее ученики, а впоследствии коллеги, к числу которых принадлежит и автор данной статьи, не раз вспомнят педагогическое мастерство своего учителя. Мне посчастливилось (повидимому, этот оборот речи встретится едва ли не во всех статьях настоящего сборника) учиться у Нелли Павловны. В ту пору она делала первые шаги в преподавании перевода на специализированном переводческом отделении кафедры английской филологии (тогда еще единой) Ленинградского (тогда еще) государственного университета. Несмотря на свою молодость и небольшой педагогический опыт, Нелли Павловна поражала студентов блестящим знанием английского языка. Поразить студентов непросто: на четвертом курсе они, как известно, знают все!... Но группа затаила дыхание в ту минуту, когда Нелли Павловна заговорила по-английски. Ее изысканный британский акцент вызывал чувство, близкое к профессиональному благоговению. В начале 70-х годов прошлого века, когда поездки в Великобританию и живое общение с носителями языка были уделом немногих, это производило особое впечатление.

Нелли Павловна преподавала в нашей группе перевод с русского языка на английский. К каждому занятию она готовилась не просто тщательно, а скрупулезно, заранее прогнозируя вопросы студенческой аудитории и продумывая исчерпывающие ответы. Основным лингводидактическим правилом ее методики

было сочетание двух направлений: обучения навыкам собственно перевода на иностранный язык и углубление знаний лексики и грамматики изучаемого языка как основной специальности. Тщательная работа с лексическим значением, лексико-грамматической сочетаемостью, грамматическими структурами велась на каждом занятии. В этом отношении Нелли Павловна следовала там же принципам, которых придерживался наш с нею общий учитель перевода с английского языка на русский - - Нина Митрофановна Славина, настоявшая в свое время на переходе совсем еще молодой Н.П. Федоровой с межфака на профилирующую, выпускающую кафедру английской филологии, увидев в молодой коллеге огромный потенциал преподавателя английского языка как основной специальности. Каждый новый текст, предлагаемый для домашнего задания, обрастал в наших тетрадях большим количеством комментариев, примечаний и допустимых вариантов, но что еще важнее – заставлял осмысливать, проверять, думать.

Н.П. Федорова не старалась загружать студентов объемными домашними заданиями, но все, что задавала, проверяла досконально. Нас изумляло, что Нелли Павловна, аргументируя выбор того или иного варианта перевода, по памяти цитировала дефиниции из толковых словарей. Придя домой, мы, конечно, бросались проверять услышанное от нее на занятии – и ни разу не нашли ни малейшей погрешности. Чем дальше, тем больше мы с ужасом убеждались, что не знаем ровным счетом ничего. Но это осознание приходило к нам "изнутри", от себя. Нелли Павловна, со своей стороны, всегда относилась с исключительным вниманием и интересом к нашим жалким (как я сейчас понимаю) попыткам изобразить нечто похожее на перевод с русского. Вообще это уважительное и заинтересованное отношение к каждому студенту всегда было в традициях кафедры, и у любимых преподавателей, как практиков, так и теоретиков, мы всегда его ощущали. В этой славной когорте студенты нашей чрезвычайно разнородной группы единодушно называли Нину Митрофановну Славину, Любовь Лазаревну Иофик, Варвару Васильевну Бурлакову.

Недоработать, схалтурить, списать домашнее задание – даже мысли такой не возникало при подготовке к занятиям Нелли Павловны. Естественно, не потому, что мы опасались какой-то кары: просто собственное трепетное отношение преподавателя к своему предмету, к непосредственной теме обсуждения и, в целом, к изучаемому языку как специальности сделало бы такие уловки постыдными.

Письменный перевод был любимым предметом Нелли Павловны Федоровой. Она преподавала его на протяжении всей своей университетской карьеры: на первых порах – практический перевод с английского на русский и с русского на английский, а затем, после защиты кандидатской диссертации – также и теорию перевода. Иногда Нелли Павловна приносила в аудиторию книги, брошюры и альбомы, выпущенные в ее переводе на английский. Видя в книге имя своего преподавателя, мы преисполнялись гордости, как будто сами были причастны к этим публикациям. Это был существенный дидактический принцип: Нелли Павловна ненавязчиво, деликатно, но отчетливо и наглядно показывала, к чему мы должны стремиться, демонстрировала реальный выход профессиональных знаний и умений в практику. Этот принцип можно условно назвать принципом заданного уровня. Значение его тем более существенно, что в преподавательской и особенно в переводческой среде

до сих пор бытует мнение, что перевод на иностранный язык должен быть уделом носителей переводящего языка. Но своими переводами Н.П. Федорова задавала тот уровень, на котором способен работать иноязычный, а точнее, билингвальный профессионал высокой пробы. На занятиях она рассказывала, как обсуждала свои переводы с носителями языка и какие рекомендации (надо сказать, крайне малочисленные) от них получала. Столь успешная реализация Нелли Павловны своего профессионализма показывала, что она следует известному, но не всегда выполняемому правилу "Practice what you preach". Просто к слову, в качестве штриха к портрету языковой личности Н.П. Федоровой отмечу, что она не любила некоторые новые черты узуса русского языка и, в частности, сочетания прилагательного "успешный" с одушевленными акциональными существительными: "успешный бизнесмен", "успешный адвокат".

Н.П.Федорова всячески поощряла и работу студентов с живым устным языком, а именно последовательный и синхронный перевод. Во время моего студенчества она предложила студентам двух переводческих групп попробовать свои силы на международном конгрессе микробиологов и сама работала рядом с нами, направляя и подбадривая совсем еще неопытных учеников.

Именно благодаря занятиям Нелли Павловны я в свое время, уже будучи преподавателем кафедры, осмелилась взяться за переводы на английский язык. Первую свою попытку, перед тем как сдать текст в издательство, я показала Нелли Павловне и в агонии ожидала ее вердикта. Каково же было мое изумление, когда Нелли Павловна признала этот перевод пригодным для публикации и лишь посоветовала заменить выражение "during that period of time" на "during that period". Когда перевод (А. Kostenevich, Bonnard and the Nabis), в котором мое участие было совсем невелико, выпустили издательства "Аврора" и "Parkstone", Нелли Павловна была искренне рада и горда за свою ученицу – не меньше, чем мы гордились ею. С тех пор переводами с русского, а также редактированием таких переводов я занимаюсь постоянно и каждый раз мысленно благодарю своего учителя, к которому, если уж говорить объективно, пока не приблизилась и уже вряд ли приближусь в плане легкости, элегантности и естественности стиля.

Это еще один дидактический принцип, о котором я собиралась здесь сказать: учить – и, главное, научить – так, чтобы ученик захотел и смог пойти по твоим стопам, попробовать себя в разных качествах, освоить новые грани своей специальности. Его можно назвать принципом ориентации на профессиональное саморазвитие.

При выборе материалов для перевода Нелли Павловна руководствовалась, во-первых, их языковой ценностью и, во-вторых, гуманистической направленностью. Подчас начинающие преподаватели, отвечая на вопрос, почему ими выбран для аудиторной или домашней работы тот или иной материал, говорят: "Он интересный". Если бы они прошли школу такого преподавателя, как Н.П. Федорова, то убедились бы, что одно лишь эффектное содержание не делает текст методически целесообразным.

Нелли Павловна постоянно читала книги на английском языке – в основном художественную, публицистическую и философскую прозу. Понравившиеся произведения она непременно характеризовала с точки зрения их языка. Как и

многие университетские преподаватели-филологи, она ценила не только и не столько захватывающее содержание, сколько форму его подачи. Помню ее фразу: "У автора очень хороший язык: из этой книги можно многое взять для перевода". Это было высочайшей похвалой автору. Собранный Нелли Павловной книжный материал был использован при создании учебных пособий по переводу, написанных ею как индивидуально, так и в соавторстве с профессором кафедры английской филологии, доктором филологических наук, выдающимся лингвистом Алевтиной Ивановной Варшавской.

Новый этап в педагогической деятельности Н.П. Федоровой открыла работала на специальном филологическом факультете. К моменту его открытия Нелли Павловна была кандидатом филологических наук (ее кандидатская диссертация была посвящена способам перевода определительных придаточных предложений с русского языка на английский) и получила ученое звание доцента. На кафедре английской филологии она возглавляла методическую комиссию по переводу. Неудивительно, что при создании университетского специального филологического факультета Нелли Павловну одной из первых пригласили там преподавать. Если не ошибаюсь, она вела на спецфаке больше переводческих дисциплин, нежели любой другой преподаватель. Наряду с проведением практических занятий по переводу, она читала курсы лекций. Нелли Павловну привлекало то, что на специальном филологическом факультете получают второе высшее образование люди уже взрослые, вполне состоявшиеся, пришедшие к необходимости не просто изучения иностранного языка (живя в большом городе, человек с успехом может научиться языку, особенно разговорному, на хороших языковых курсах), а именно получения глубокого филологического и, в частности, переводоведческого образования. Для специального филологического факультета Нелли Павловна разработала курс общей теории перевода и ряд спецкурсов. В своих лекциях она считала необходимым делать акцент не на сугубо теоретические, а на прикладные аспекты переводоведения. Ее лекции были насыщены большим количеством собранных ею примеров из опубликованных переводов авторитетных мастеров отечественной школы и из работ ее предшественников, теоретиков перевода. Современным концепциям перевода Нелли Павловна уделяла меньше внимания, нежели основам общей теории, считая, что при работе со взрослой аудиторией важно заложить, во-первых, прочные базовые знания, позволяющие заинтересованному слушателю двигаться дальше, самостоятельно ориентируясь в сфере теории перевода, а во-вторых, дать слушателям как можно больше сведений такого рода, которые находят непосредственное и немедленное практическое применение.

Слушатели специального филологического факультета отвечали Н. П. Федоровой уважением и любовью. После кончины Нелли Павловны группа ее учеников (выпуск 2013 года) изъявила желание принять посильное участие в установке надгробия на ее могиле.

Вот что написали те, кто учился у Н. П. Федоровой в последние годы ее жизни:

"Нашей группе посчастливилось учиться у Нелли Павловны письменному переводу, и хотя, к сожалению, занимались мы под её руководством не так долго, те

зёрна знаний, что она заронила в нас, продолжают давать ростки. До сих пор частенько задумываемся над тем, какой вариант перевода предложила бы Нелли Павловна, вспоминаем примеры, которые она приводила, её советы, дружеские замечания, атмосферу, которую она создавала на занятиях, вспоминаем, как она радовалась нашим переводческим находкам, вспоминаем всё то, что делало её не только профессионалом в своём деле, но и Человеком с большой буквы. Второе высшее, III курс, 1 группа"

Нелли Павловна Федорова была цельным человеком и цельным специалистом. Важно подчеркнуть, что она учила студентов на собственном профессиональном примере. Больше всего Н.П. Федорову привлекали не научные изыскания, а именно живое аудиторное общение со студентами, разделяющими профессиональные интересы и устремления лингвиста-переводчика. Те дидактические принципы, которыми пользовалась Нелли Павловна, были для нее абсолютно органичными. Они служили продолжением ее характера, ее личности.

Щербак Н.Ф.

Я вернусь отражением в потерянном мире

Иногда, поднимаясь по лестнице филфака, мне кажется, что Нелли Павловна проходит мимо, спешит к расписанию и, как обычно, легко, лучезарно и энергично говорит мне: «Здравствуйте, Ниночка!» Подобные игры сознания, я уверена, неслучайны, как и верю в то, что близкие нам люди, каким-то чудесным образом, всегда находятся рядом. Как и все наши выпускники, я училась у Нелли Павловны на четвертом курсе. Впервые ощутила, насколько трудно переводить художественные тексты и какая колоссальная языковая чуткость необходима для того, чтобы точно, емко и красиво передавать мысли на своем и иностранном языках. Нелли Павловна делала это не просто превосходно, каждое объяснение «нового материала» сопровождалось удивительно поэтичными примерами... Мне всегда казалось, что только поэты или очень тонко чувствующие красоту люди могут переводить так, как это делала Нелли Павловна. А потом мы вместе работали на кафедре. Нелли Павловна поддерживала меня практически во всем. Как и другим коллегам, или бывшим студентам, она всегда заранее звонила по телефону и жизнерадостным голосом уточняла, правильно ли понята программа или условия тестирования. Выпускной экзамен на четвертом курсе мы долго принимали вместе. Однажды, Нелли Павловна пригласила меня, среди других преподавателей, пойти домой к нашему общему педагогу и ученому Мирре Александровне Кашеевой, которая, к тому времени, уже на кафедре не работала по выходе на пенсию. Это было сразу после Нового Года, было очень холодно, наверное, минус тридцать градусов мороза. Подойдя к условленному месту встречи, я спросила: «А можно мы пойдём к Мирре Александровне чуть пораньше?» Имела «ввиду», конечно, «чтобы не мерзнуть на улице!» Нелли Павловна удивленно посмотрела на меня: «Что вы, Нина! Ни в коем случае! Мы не можем прийти даже на пятнадцать минут раньше назначенного времени!» Искренность, доброжелательность, уважение Нелли Павловны к людям были совершенно уникальными качествами. Мне хотелось бы закончить этот рассказ чем-нибудь очень личным и литературным одновременно,

поэтому прилагаю стихотворение Г.Иванова, которое, наверное, очень точно передает и красоту, и боль, и все те чувства, которые мы испытываем к близким нам людям:

Распыленный миллионом
мельчайших частиц,
В ледяном, безвоздушном,
бездушном эфире,
Где ни солнца, ни звезд,
ни деревьев, ни птиц,
Я вернусь - отраженьем -
в потерянном мире.
И опять, в романтическом Летнем
Саду,
В голубой белизне петербургского
мая,
По пустынным аллеям неслышно
пройду,
Драгоценные плечи твои обнимая.